

УДК 342.951:351.82

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

© 2019 г.

*К.В. Давыдов*Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск
Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск

davkon@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.10.2019

Анализируются основные подходы к понятию и сущности административной процедуры. Делается вывод о необходимости построения формирующейся российской доктрины административных процедур на базе аксиологического подхода, с признанием в доктрине и закреплением в законодательстве гарантий процедурных прав невластных лиц и одновременно – признанием относительно самостоятельной роли процедур от материального права. Дается авторское определение позитивной административной процедуры.

Ключевые слова: административная процедура, позитивная административная процедура, административный процесс.

Совершенствование феномена административных процедур – одна из ключевых проблем развития современного административного права, решение которой принуждает к анализу множества тесно связанных с ней вопросов: принципов административного права, форм управленческих действий, критериев достаточности и избыточности административно-правового регулирования [1]. Однако первым шагом в формировании соответствующей доктрины следует признать определение понятия и сущности административной процедуры.

Несмотря на то что некоторые исследователи относят институт административных процедур к материальному праву [2], более справедливым видится его квалификация в качестве процессуального явления. Соответственно, экстраполяция на этот феномен существующих теорий административного процесса является логичным и перспективным с методологической точки зрения ходом. По мнению Л.А. Мицкевич, соответственно тому, как при определении административного процесса выделяется несколько научных подходов, так и при определении административной процедуры можно выделить несколько концепций: «управленческий (универсальный, широкий) подход», «позитивный (специальный) подход», а также «технологический (узкий) подход». Согласно управленческому подходу административные (управленческие) процедуры представляют собой нормативно установленный порядок последовательного осуществления уполномоченными субъектами права согласованных действий по реализации их компетенции как позитивного, так и негативного (юрисдикционного) характера. Позитивное понимание административной

процедуры, как нетрудно понять, сводит такую к бесспорной, неюрисдикционной деятельности публичной администрации. Наконец, технологический подход под административными процедурами понимает отдельные действия – операции органов исполнительной власти при реализации публичных функций. Начало такому пониманию было положено Типовым регламентом внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 28.07.2005 г. № 452 [3]. В таком смысле данный термин применяется в административных регламентах для описания отдельных операций или этапов: регистрация заявления, проверка документов на соответствие и т.п. называются административными процедурами. Именно последний, технологический концепт, по замечанию Л.А. Мицкевич, в настоящее время является преобладающим в ведомственных нормативных актах, постепенно проникая в специальную литературу [4, с. 235–236].

Действительно, «широкий» управленческий подход к административному процессу естественным образом оказывает известное влияние на понимание административных процедур в российской юридической литературе. Авторы, его придерживающиеся, говорят об административных процедурах как о таких юридически результативных последовательностях действий субъектов, которые охватывают и регулятивные (позитивные), и охранительные (юрисдикционные) отношения; причем в рамках позитивных процедур выделяются, как правило, нормотворческие и правоприменительные, внешние и внутриуправленческие [5].

Широкое понимание процедуры популярно во многих правовых системах. В качестве примера приведем Китай. Состояние его административного законодательства в части процедур весьма схоже с российским: нет ни прочных демократических традиций регулирования публичного управления в целом, ни сколько-нибудь приемлемого с европейской точки зрения общего регулирования административных процедур. Проблематика последних остается предметом преимущественно доктринальных дискуссий, которые, однако, проходят под заметным влиянием европейских и американских традиций. Как отмечает Вейдонг Жи (Weidong Ji), «процедура в общем китайском языке означает последовательность действий, совершаемых для достижения определенной цели. В юридическом понимании таковая, в противоположность материальным нормам, относится к правилам, определяющим формы, способы, временные пределы, шаги, порядок соблюдения формальностей процесса принятия решений, преследующего цель выделения точек зрения, соответствующих определенным критериям и условиям после заслушивания различных позиций, дабы решение принималось согласно условиям, понятным и приемлемым для всех участвующих сторон» [6, р. 6].

«Позитивное» понимание административных процедур также весьма распространено в отечественной доктрине. Как писал, например, Ю.М. Козлов, административная процедура есть «установленный административно-процессуальными нормами порядок (правила) совершения повседневных управленческих действий позитивного характера» [7, с. 451]. Весьма похожее определение можно встретить у иных исследователей, в частности у Л.Л. Попова и А.В. Сладковой [8, с. 27]. Одну из наиболее развернутых дефиниций позитивных процедур дает А.А. Никольская: «...административная процедура в сфере публичного управления (позитивная административная процедура) – это нормативно урегулированная, ориентированная на достижение конкретного результата... документируемая деятельность различных субъектов (по крайней мере один из которых является государственным, муниципальным органом или должностным лицом), состоящая из последовательно сменяющихся друг друга актов поведения (этапов, стадий процедуры), в ходе которой реализуется компетенция указанных субъектов, применяются нормы различных отраслей права и принимаются различные правовые акты управления (как промежуточные, так и окончательные), по содержанию не связанная ни с судебным рассмотрением споров о субъективном

публичном праве, ни с применением мер административного принуждения» [9, с. 63].

Исключение из объема понятия юрисдикционных процедур не означает, впрочем, полного единства мнений в рамках данного подхода. Частные дискуссии ведутся о том, стоит ли признавать административными нормотворческие процедуры или сводить их лишь к правоприменению; распространять соответствующий режим только на внешнеуправленческую деятельность или также говорить о процедурной природе внутриаппаратных отношений. Если все вышеперечисленные авторы под административными процедурами понимают как нормотворческую, так и правоприменительную, как внутриаппаратную, так и внешнеуправленческую деятельность публичной администрации, то, например, И.М. Лазарев манифестирует более рестриктивный подход: «Административные процедуры как составная часть административного процесса, который в свою очередь является составной частью юридического процесса, – это урегулированная административно-процессуальными нормами правоприменительная деятельность органов исполнительной власти, направленная на реализацию своих полномочий во взаимоотношениях с не подчиненными им гражданами и их организациями и не связанная с рассмотрением споров или применением мер принуждения» [10, с. 7]. Нетрудно заметить, что названный автор предлагает сводить административные процедуры лишь к правоприменительным внешнеуправленческим отношениям.

Примечательно, что на зарубежное законодательство (в том числе европейское наднациональное право) и доктрину большое влияние оказал рестриктивный подход, закрепленный в Законе ФРГ 1976 года «Об административных процедурах» (далее – ЗАП ФРГ 1976 года). Согласно § 9 указанного нормативного акта, «административной процедурой в значении настоящего закона является имеющая внешние последствия деятельность административных органов, которая направлена на проверку наличия условий, подготовку и издание административного акта либо на заключение публично-правового договора; административная процедура включает издание административного акта либо заключение публично-правового договора» [11, с. 124].

Акцент на позитивном внешнеуправленческом правоприменении хорошо объясним. Однако важно понимать, что административная процедура как самостоятельный юридический феномен шире конкретного правового института. Как справедливо писал Э. Шмидт-Ассманн, «правовые дискуссии зачастую слиш-

ком быстро сужаются до определенных типов процедуры или вообще до одного типа. Это ошибка. Первым делом речь должна идти об анализе многообразия различных процедур, прежде всего выработке различных интересов, играющих роль в процедурах» [12, с. 335–336]. В дальнейшем в рамках настоящей работы за основу будет взят именно позитивный подход.

Дальнейшее раскрытие роли, значения, «философии» административной процедуры принуждает к анализу неумолимо нарастающей полярности взглядов ученых, законодателя и правоприменителей на этот феномен с точки зрения аксиологии. Подобно тому как форма государства не может быть полноценно раскрыта лишь сугубо «внешними» характеристиками вроде формы правления и формы государственного устройства, но требует в качестве третьего, своего рода «вершинного» элемента содержательный – политико-правовой режим, так и представления об административной процедуре вслед за основными школами понимания права распадаются на две очень разные группы. Условно назовем их легистскими, технократическими (или, как пишет М.А. Штатина, «технично-инструменталистскими») и «аксиологическими» (очевидно, уходящими корнями в естественно-правовые учения) подходами. По справедливому замечанию М.А. Штатиной, «административная процедура рассматривается российскими учеными преимущественно с позиции технико-инструменталистского подхода как определенная последовательность действий властных субъектов... Само по себе такое определение возражений не вызывает, поскольку оно обращает внимание на важные черты административных процедур. Но если оно не дополняется другими, причем не внешними, формальными, а сущностными характеристиками, то с таким определением вряд ли можно согласиться». Далее автор иронично констатирует: «Определенная последовательность действий, их срочность и стадийность имманентно присуща любому управленческому процессу, в том числе и государственному управлению. Если так понимать административные процедуры, то уже не кажется удивительным, что некоторые исследователи ведут их отсчет со времен царя Хаммурапи, а иные авторы полагают их еще более древними. Однако в зарубежных странах Западной Европы и Северной Америки справедливо полагают, что институт административных процедур сложился только в XX в. и что он не сводим к формализации стадий управленческого процесса» [13, с. 4–5]. Действительно, здесь можно провести очевидную аналогию: как само административное право явило собой

принципиально новую ступень развития доктрины, законодательства и практики его применения, возвысившись над правом полицейским за счет гуманистического посыла о признании за невластными лицами публичной правосубъектности, так и административные процедуры по смыслу современных европейской и североамериканской традиций есть нечто гораздо большее, чем совокупность абстрактных стадий и действий. Предоставление участникам процедуры определенных прав и их гарантий, помимо, естественно, возложения на них обязанностей, – общий тренд развития современных концепций процедуры. Позволим себе следующую формулировку: в современном публичном праве столько собственно права и процедурности, сколько в нем правосубъектности невластных лиц. В противном случае мы будем говорить о «процедурах» применения резиновых дубинок, огнестрельного оружия или даже гильотинирования. От характера соотношения «аксиологичности» и «формального инструментализма», пропорции соответствующих начал в процедуре зависит вся ее конструкция и внутренняя логика; с этим в конечном счете связана система принципов, структура процедуры (содержание и характер сопряжения отдельных стадий), набор участников и их процедурные роли, наконец, модель судебного контроля. Другими словами, это то ключевое звено, которое отражает и одновременно участвует в определении закономерностей развития конкретной правовой системы.

В завершение анализа сущности административных процедур в той или иной правовой системе рассмотрим тезис о «сервисной», производной от материального права их природе. В советской научной юридической литературе широкое распространение получил тезис о производности процесса от материального права, а значит, и второстепенной роли первого по отношению ко второму. Эта идея, как представляется, уходила корнями в соответствующий тезис К. Маркса о том, что «процесс есть только форма жизни закона, проявление его внутренней жизни» [14, с. 158]. Вместе с тем отдельными авторами высказывалась и противоположная позиция. Б.М. Лазарев справедливо подчеркивал: «Конечно, процессуальные нормы необходимы для реализации норм материальных, но, во-первых, служебная роль и производность – не одно и то же; во-вторых, нужно учитывать, что всякая процессуальная форма имеет относительную самостоятельность от содержания деятельности, а следовательно, и специфические закономерности функционирования и развития» [15, с. 14–15]. Можно согласиться и с

тезисом о том, что базисом юридического процесса является не материальное право, но самостоятельная группа общественных отношений, выражающихся в процессуальной деятельности государственных органов [9, с. 69]. Схожие дискуссии велись и в зарубежных доктринах. Как писал Э. Шмидт-Ассманн, формула («клише») о сервисной функции административной процедуры подчеркивает мнение о том, что законодательство об административных процедурах в сравнении с материальным правом якобы не столь важно: «С процессуально-экономической точки зрения это звучит убедительно, но ведет к установлению относительно характера процессуального права. В этом кроется существенная опасность для законности исполнительной власти»; по мнению указанного автора, вопрос «сервисности» – продолжение «философии процедуры», которая неодинакова в различных правовых системах. В англосаксонской правовой системе преобладает подход о самостоятельной ценности процесса, в то время как, например, в Германии традиционно приоритет отдается материальному праву. Впрочем, конечно, противоположные господствующим концепциям идеи и начала есть в любом правовом порядке. Например, в Германии подчеркивается значительная роль процедур при принятии дискреционных административных актов (ввиду отсутствия в таких случаях совершенно точных предписаний материального права). Можно согласиться с исследователем в том, что «насколько необходимо исходить из такой (сервисной. – К.Д.) функции, зависит (во-первых) от того, какую цель имеют отдельные процедурные положения и (во-вторых) как точно материальное право программирует исполнительную власть. Тем самым законодательство о процедурах является отчасти сервисным, отчасти – самостоятельным по отношению к материальному праву» [12, с. 338–339]. Тезис об утрате незыблемости постулата о вспомогательном характере процедур встречается и у других зарубежных исследователей [16, р. 183]. Нетрудно заметить: данная дискуссия имеет вполне конкретное и исключительно важное значение в части квалификации последствий нарушений процедурного законодательства для действительности правовых результатов таких процедур.

Однако для советской и впоследствии российской доктрины публичного права господствующей стала точка зрения о вторичности и второстепенности юридических процедур. С сожалением следует признать редкую солидарность с теорией в этом вопросе российского законодателя и правоприменителей. По нашему мнению, научный ответ на хрупкость представ-

лений о процедурной законности в системе публичного управления России должен заключаться в постулировании (пусть даже в ряде случаев и небесспорном) противоположного тезиса о самостоятельной ценности административных процедур, особенно при принятии неблагоприятных для адресатов административных актов (в особенности если имеет место реализация при этом дискреционных полномочий). Данная позиция должна найти отражение в ужесточении в законодательстве и правоприменительной практике требований к административным актам и иным формам управленческих действий в части административных процедур.

В заключение отметим: понимание административных процедур в известной мере производно от сущности и объема понятия административного процесса. При этом можно выделить несколько логических «развилки», определяющих «философию» административной процедуры.

Первый момент связан с тем, насколько широко определять границы данного явления, распространять ли его только на позитивные бесспорные управленческие отношения или также еще и на юрисдикционные процедуры.

Вторая «развилка» связана с дальнейшим уточнением спектра позитивных процедур. Здесь дискуссии ведутся по поводу внутриаппаратных, а также нормотворческих отношений.

Думается, в обоих описанных случаях рестриктивность связана не столько с объективными характеристиками феномена процедур, сколько с имманентной склонностью отдельных исследователей «подстроить» теорию административных процедур под «нужды» конкретного законодательного акта. Подобный прагматизм понятен, но вряд ли корректен с общенаучной точки зрения. Все виды процедур обладают генетическим родством, каждая группа занимает свою нишу, а с регулятивной и юридической точек зрения имеют свои достижения (как, впрочем, и дефекты). Поэтому широкий («управленческий») взгляд на процедуру позволяет с «высоты птичьего полета» обозреть все многообразие, могущее стать источником вдохновения для правового регулирования иных групп процедур. С другой стороны, наиболее точно отражающими природу исполнительной власти, социальное предназначение публичного управления, максимально ценными с точки зрения общества являются, конечно, позитивные процедуры принятия и исполнения индивидуальных юридических форм управления (административных актов и административных договоров).

Если два вышеописанных смысловых «узла» характеризуют скорее «количественный» аспект

понимания административной процедуры, то последующие «развилки» связаны с качественной характеристикой феномена.

Итак, третья (и важная с точки зрения сущности процедуры) дискуссия заключается в «битве» инструментально-технологического и аксиологического подходов. Действительно, понимание процедуры как простой последовательности действий по реализации предусмотренной законодательством компетенции не лишено известной притягательности для публичной администрации. Здесь можно говорить о процедуре чего угодно – вплоть до процедуры отсечения головы. Только подобная механистичность уже давно противоречит всей логике эволюции современных систем публичного управления. С точки зрения развитых правопорядков процедуры, отказывающие невластным лицам в правосубъектности, лишённые гуманистического начала, не есть административные процедуры. В самом деле, между закрытыми, односторонними «порядками действий», исключаящими для граждан возможности высказать свою правовую позицию, и современными стандартами административных процедур, основанных на учете мнений заинтересованных сторон, очевидно сущностное различие. Подобное той непреодолимой пропасти, что отделяет современное административное право от полицейского права образца XVIII столетия.

Наконец, четвертый аспект понимания роли административной процедуры заключается в установлении характера соотношения процессуального и материального права. Тезис о безусловном примате материального права с неизбежностью ставит под сомнение регуляторную ценность и действенность процедур. Такой вывод логичен в рамках инструментального понимания сущности процедуры. Однако признание «сервисной» роли процедур, на наш взгляд, несколько инородно для ценностных подходов. Ведь в таком случае пренебрежение к нарушениям процедурных гарантий прав невластных лиц выставляет названные концепции в довольно лицемерном свете. С другой стороны, при всем уважении к гражданам было бы неверно утверждать об абсолютной самостоятельности процессуального права. Поэтому наиболее корректным представляется сбалансированный подход, постулирующий смешанную природу процедур: в одних условиях они носят сервисный характер, в других – самостоятельный. Впрочем, для развивающихся правопорядков, не имеющих прочных традиций гуманистической регламентации процедурных отношений, по крайней мере на начальном этапе более методологически правильным представляется

«сдвиг» в сторону уважительного отношения к процедурам. «Сервисные» концепции целесообразно на это время «заморозить» (по крайней мере в законодательстве и судебной практике).

С учетом всего вышесказанного попробуем дать итоговые дефиниции административным процедурам. Очевидно, что по мере восхождения от конкретного к абстрактному все меньшее количество признаков становится универсальным. Следовательно, при широком подходе к административной процедуре (как внешней и внутренней, позитивной и юрисдикционной, нормотворческой и правоприменительной деятельности) вполне применима «технократическая» концепция. Административная процедура в этом случае может пониматься как нормативно урегулированная последовательность действий уполномоченных лиц по реализации их компетенции. Впрочем, данное определение, вполне традиционное в том числе и для российской доктрины, является тем пунктиром, с которым можно согласиться лишь при первом приближении к феномену.

Однако при сужении объема понятия с неизбежностью встает вопрос о содержательных, ценностных характеристиках процедуры. Аксиологические дилеммы неизбежны при раскрытии природы наиболее важной группы процедур – позитивных внешнеуправленческих. Роль гарантий прав граждан, степень «чувствительности» правоприменителя к их нарушениям – все это чрезвычайно непростые проблемы, определяющие существующий «облик» того или иного правопорядка. В качестве методологической основы формирующейся доктрины административных процедур полагаем необходимым использовать ценностное понимание процедур, с признанием как минимум самостоятельного значения цели защиты прав граждан (организаций) и относительно самостоятельного (в сравнении с материальным правом) значения самих процедур, отвечающих таким содержательным требованиям. Взяв за основу дефиницию Ю.Н. Старилова [17, с. 443] и дополнив ее вышеобозначенными тезисами, предлагаем следующее определение.

Позитивная внешняя административная процедура – это урегулированная административным законодательством, имеющая относительную самостоятельность от материального права, направленная на достижение конкретного результата формализованная деятельность уполномоченных управленческих органов публичной власти, их должностных лиц, а также иных наделенных функциями публичного управления субъектов по рассмотрению и разрешению индивидуальных административных дел и приня-

тию административных решений (административных актов, заключению административных договоров, совершению иных юридически значимых действий), способствующих реализации установленных в законах прав, свобод, законных интересов и обязанностей граждан и организаций, также направленных на повышение эффективности (рациональности) публичного управления, по содержанию не связанная ни с судебным рассмотрением споров о субъективном публичном праве, ни с применением мер административного принуждения.

Список литературы

1. Мартынов А.В., Ляпин И.Ф., Черников В.В. Ключевые подходы к выбору критериев избыточного административного регулирования и избыточных функций органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 138–145.
2. Шайх К. Административные процедуры // Административное право зарубежных стран / Под ред. А.Н. Козырина и М.А. Штатиной. М.: Спарк, 2003. С. 291–294.
3. Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 2005. 5 авг.
4. Мицкевич Л.А. Очерки теории административного права: современное наполнение: Монография. М.: Проспект, 2017. 296 с.
5. Ефремов М.О. Административные процедуры как форма реализации компетенции органов публичной власти во взаимоотношениях с частными лицами: Дис. ... к.ю.н. М., 2005. 203 с.
6. Weidong Ji Comparative Study of the Procedure // Journal of Comparative Law. 1991. I.
7. Козлов Ю.М. Административное право: Учебник. М.: Юристъ, 2005. 554 с.
8. Административные процедуры: Монография / Отв. ред. Л.Л. Попов, С.М. Зубарев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 240 с.
9. Никольская А.А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования): Дис. ... к.ю.н. Воронеж, 2007. 261 с.
10. Лазарев И.М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. М., 2002. 199 с.
11. Сборник законов об административных процедурах. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 444 с.
12. Шмидт-Ассманн Э. Кодификация законодательства об административных процедурах: традиции и модели // Ежегодник публичного права 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 332–362.
13. Штатина М.А. Какой институт административных процедур нужен российскому праву? // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом: Материалы межвузовской научной конференции на базе кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов. Москва, 25 января 2016 г. / Отв. ред. А.Р. Батяева. М.: РУДН, 2016. С. 3–7.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. I. 699 с.
15. Бачило И.Л., Васильев А.С., Воробьев Н.Ф. и др. Управленческие процедуры / Отв. ред. Б.М. Лазарев. М.: Наука, 1988. 272 с.
16. Schneider J.-P. Chapter 10. Germany, in Codification of Administrative Procedure / J.-B. Auby (ed.). 2014, Bruylant. P. 171–190.
17. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник. 5-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 576 с.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE

K.V. Davydov

The article analyzes the main approaches to the concept and essence of the administrative procedure. It is concluded that the emerging Russian doctrine of administrative procedures should be built on the basis of the axiological approach. The guarantees of the procedural rights of citizens should be recognized in the doctrine and secured in the legislation; at the same time, the relatively independent role of procedures from substantive law should be also recognized. The author's definition of positive administrative procedure is proposed.

Keywords: administrative procedure, positive administrative procedure, administrative process.

References

1. Martynov A.V., Lyapin I.F., Chernikov V.V. Klyuchevye podhody k vyboru kriteriev izbytochnogo administrativnogo regulirovaniya i izbytochnyh funkciy organov ispolnitel'noj vlasti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 4. S. 138–145.
2. Shajh K. Administrativnye procedury // Administrativnoe pravo zarubezhnyh stran / Pod red. A.N. Kozyrina i M.A. Shtatinoj. M.: Spark, 2003. S. 291–294.
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2005 № 452 «O Tipovom reglamente vnutrennej organizacii federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» // Rossijskaya gazeta. 2005. 5 avg.
4. Mickevich L.A. Oчерки teorii administrativnogo prava: sovremennoe napolnenie: Monografiya. M.: Prospekt, 2017. 296 s.
5. Efreinov M.O. Administrativnye procedury kak forma realizacii kompetencii organov publichnoj vlasti vo vzaimootnosheniyah s chastnymi licami: Dis. ... k.yu.n. M., 2005. 203 s.

6. Weidong Ji Comparative Study of the Procedure // *Journal of Comparative Law*. 1991. I.
7. Kozlov Yu.M. *Administrativnoe pravo: Uchebnik*. M.: Yurist", 2005. 554 s.
8. *Administrativnye procedury: Monografiya / Otv. red. L.L. Popov, S.M. Zubarev*. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 240 s.
9. Nikol'skaya A.A. *Administrativnye procedury v sisteme publichnogo upravleniya (problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya): Dis. ... k.yu.n. Voronezh*, 2007. 261 s.
10. Lazarev I.M. *Administrativnye procedury v sfere vzaimootnoshenij grazhdan i ih organizacij s organami ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii: Dis. ... k.yu.n. M.*, 2002. 199 s.
11. *Sbornik zakonov ob administrativnyh procedurah*. M.: Infotropik Media, 2016. 444 s.
12. Shmidt-Assmann E. *Kodifikaciya zakonodatel'stva ob administrativnyh procedurah: tradicii i modeli // Ezhegodnik publichnogo prava 2017: Usmotrenie i ocenochnye ponyatiya v administrativnom prave*. M.: Infotropik Media, 2017. S. 332–362.
13. Shtatina M.A. *Kakoj institut administrativnyh procedur nuzhen rossijskomu pravu? // Aktual'nye problemy administrativnogo, finansovogo i informacionnogo prava v Rossii i za rubezhom: Materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii na baze kafedry administrativnogo i finansovogo prava Yuridicheskogo instituta Rossijskogo universiteta družby narodov*. Moskva, 25 yanvarya 2016 g. / Otv. red. A.R. Batyaeva. M.: RUDN, 2016. S. 3–7.
14. Marks K., Engel's F. *Soch.* 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. T. I. 699 s.
15. Bachilo I.L., Vasil'ev A.S., Vorob'ev N.F. i dr. *Upravlencheskie procedury / Otv. red. B.M. Lazarev*. M.: Nauka, 1988. 272 c.
16. Schneider J.-P. Chapter 10. Germany, in *Codification of Administrative Procedure / J.-B. Auby (ed.)*. 2014, Bruylant. P. 171–190.
17. Rossinskij B.V., Starilov Yu.N. *Administrativnoe pravo: Uchebnik*. 5-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2015. 576 s.